

АМЕРИКАНСКАЯ ПУШКИНИАНА 60-х ГОДОВ

Интерес к творчеству Пушкина в Америке сильно возрос после второй мировой войны в связи с общим вниманием к России и к русской литературе, в частности. Этот интерес к Пушкину с новой силой проявился в 60-е годы¹. Он сказался как в появлении многочисленных исследований, посвященных русскому писателю, так и в выходе в свет целого ряда переводов Пушкина. Даже независимо от качества этих переводов, они служат наглядным подтверждением повышенного интереса широкого американского читателя к творчеству и личности величайшего из русских поэтов.

Большим событием в литературной жизни Америки 60-х годов явилось появление нескольких переводов «Евгения Онегина» Пушкина. Интерес к ним сказался в той оживленной полемике, которая завязалась на страницах американской периодической печати. В отзывах и откликах на вышедшие переводы проявилось растущее внимание к переводческому искусству страны, попытки предъявить к переводчикам более серьезные требования, обосновать теоретически выбор тех или иных методов перевода. Сейчас, когда обмен культурными ценностями становится одним из средств общения между народами, роль перевода, как явления искусства, знакомящего читателя с лучшими образцами мировой литературы, неизмеримо возросла. Полемика, имевшая место в американской печати, свидетельствует, что творческие поиски американских переводчиков неотделимы от творческих поисков их собратьев по перу в других странах.

Вопрос о том, каким должен быть перевод, буквальным или художественным, становится краеугольным камнем дис-

¹ О работах американских ученых о Пушкине, вышедших в 40—50-х годах, см. статью Голышевой А. И. «Пушкин в Америке». «Ученые записки Псковского пединститута», № 28, 1968 г.

куссий переводчиков разных стран. Не менее интересна и проблема подстрочника, получающая самое различное теоретическое обоснование в трудах и руководствах по переводческому искусству².

Перевод «Евгения Онегина» на английский язык имеет свою традицию³. Среди новейших переводов произведения Пушкина большой интерес вызвал перевод У. Арндта⁴. Он привлек к себе внимание американских читателей и исследователей Пушкина тем, что переводчик пытался передать не только смысл, но и аромат пушкинского текста. Интересны попытки Арндта сохранить онегинскую строфу, строго соблюдая размеры оригинала. Момент тем более примечательный, что сложность передачи особенностей «онегинской строфы», своеобразии ее стиля и метрики являлось немаловажным препятствием на пути переводчиков, бравшихся за это сложнейшее произведение. Поэтичность, свежесть, живость, присущие переводу Арндта, настолько пленяют слух, что студенты Принстона, как отметил в своем интересном докладе доктор Кларенс Браун⁵, воспринимают перевод, как произведение, написанное на их родном языке.

Несмотря на уничтожающую оценку этого перевода со стороны В. Набокова, литературная общественность страны тепло встретила работу Арндта. Перевод «Евгения Онегина» был удостоен премии, явление редкое для Америки, где раньше на качество перевода вообще не обращалось внимания. Сам факт введения ежегодных поощрительных премий за лучший художественный перевод свидетельствует о том, что в последние годы в Америке эта область художественного творчества начинает пользоваться большим вниманием.

Примером «буквалистского» перевода является прозаический перевод «Евгения Онегина», сделанный В. Набоковым⁶. Приступая к переводу, Набоков так определил задачу своего труда: «Переводы «Евгения Онегина» с русского на мой английский, — писал он в предисловии, — я пожертвовал ради содержания всем (изяществом, благозвучием, ясностью, хо-

² Проблемы эти, в частности, ставятся в сборнике. «The Craft and Context of Translation». Ed. by W. Arrowsmith and Rodger Shattuck. Published by the University of Texas Press for Humanity Research Center, Austin, Texas, USA, 1961.

³ М. П. Алексеев. «Евгений Онегин» на языках мира. «Мастерство перевода», 1964, М., 1965, стр. 273.

⁴ Al. Pushkin, «Eugene Onegin». A Novel in Verse, A new translation in the Onegin Stanza with an introduction and notes by Walter Arndt. N. Y. 1963.

⁵ К. Браун. «Новейшие американские переводы «Евгения Онегина». Доклад был прочитан в Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в апреле 1966 г.

⁶ «Eugene Onegin». A novel in verse by Al. Pushkin translated from the Russian, with a commentary by Nabokov. In four volumes. N. Y. Bollingren, 1964, Series LXXII, Pantheon Books.

рошим вкусом... и даже грамматикой), всем, что щепетильный подражатель ценит выше правды». Особенностью этого направления в переводческом искусстве является стремление максимально точно донести до читателя содержание оригинала. Эту цель и ставит перед собой в своем переводе Набоков.

Особенности перевода Арндта и Набокова наглядно проявляются в следующих примерах:

30 строфа 11 главы.

АРНДТ

This Grandison was fond of Cards,
A top, and sergeant of the Guards.

НАБОВОК

That Grandison was a great dandy,
A gamester, and an Ensign in the Quards

25 строфа 11 главы.

АРНДТ

So I repeat her name Tatjana
Not by a fresch and rosy hue
Nor by her beauty could she garner
The glances that her sister drew.

НАБОВОК

So she was called
Tatjana. Neither with her sister's beauty
Nor with her (sister's) rosy freshness
Would she attract one's eyes.

4-я строфа VI-ой главы

АРНДТ

Onward, my story, faster, faster!
Here's a new face to be beheld.

НАБОВОК

Forward, forward, my story!
A new persona claims us.

Любопытна передача бытовых сцен из жизни Лариных. Они представляет наибольшую трудность для переводчика из-за обилия специфических, сугубо русских реалий быта и выражений. И если Арндт, довольно своеобразно преодолевая трудности оригинала, дал перевод этой строфы полностью (35 строфа 11 главы), то Набоков, не считая возможным найти равный ей эквивалент в английском языке, просто опустил в своем переводе ряд строк.

Не менее интересен для сравнения и перевод 38 строфы 7 главы, содержащей описание Москвы.

АРНДТ

Farewell now, scene of grandeur humbled,
Petrovsky Palace; onward, fast!
And presently the carriage rumbled
Toward the shining tallgate; past
The barrier, and an it hobbles
Across Tverskaya's holes and cobbles,
Past shops and lanterns, crones and youths,
By convents, gardens, mansions, booths,
Bokharans, sleighs, muzhiks in blouses,
By Cossacks, merchants, kitchen yards,
Past battlements and boulevards,
Parks, pharmacies, and fashion houses,
Past gates where guardian lions rear,
While dews about the crosses veer.

НАБОКОВ

Good-bye, witness of fallen glory,
Petrovskiy Castle. Hup! Don't stop,
Get on! The turnpike posts already
Show white. Along Tverskaja street
The coach now hies across the dips.
There flicker by: watch boxes, peasant women,
Urchins, shops, street lamps,
palaces, gardens, monasteries,
Bokharans, sledges, kitchen gardens,
merchants, small shacks, muzhiks,
boulevards, towers, cossacks,
pharmacies, fashion shops,
balconies, lions on the gates,
and flocks of jackdaws on the cross.

Как мы видим из приведенных примеров, особенность перевода Арндта не в том, «что выбор слов соответствует русским, но скорее в том, что он был в состоянии приблизить их к ритму пушкинского стиха и остаться верным пушкинской метафоре. Он постарался сохранить в своем переводе квинт-эссенцию пушкинского стиля»⁷.

Метод «буквалистского» перевода, используемый Набковым, оправдывает себя в борьбе с дилетантизмом и отсебятиной, все еще дающей себя знать в отдельных переводах из Пушкина. И тем не менее, «совершенно справедливо, — пишет в своей рецензии Э. Симмонс, — что если читатель знает оригинал, этот перевод на первых порах разочарует его. Без приписущих ей рифм, поэма, как ее дает Набоков, теряет свою красоту»⁸.

Тем не менее, перевод Набокова при всей своей спорности

⁷ Fan Parker: Al. Pushkin «Eugene Onegin». A new translation with an intr., and notes by W. Arndt. N. Y. 1963. «The Slavic and East European Journal». Summer 1964, volume VIII, Number 2.

⁸ A Nabokov Guide Through the world of Al. Pushkin by S. J. Simmons «The New York Times Book Review» 1964. June 28, p. 4.

несомненно заслуживает внимания. Не случайно он вызвал широкий отклик в Америке⁹.

Иное дело комментарий Набокова к его переводу «Евгения Онегина»; научного интереса он не представляет. Не являясь профессиональным литературоведом, Набоков учитывает в нем далеко не все русские и советские работы, посвященные этому произведению Пушкина.

Любопытным явлением американской пушкинианы является и появление перевода «Евгения Онегина», сделанного Ю. Кэйденом¹⁰. В предисловии от издателя отмечается, что именно вопрос формы является самым большим затруднением для успешного перевода этой эпической поэмы на английский язык. Попытки одних сводились к тому, чтобы сохранить пушкинскую сложную рифму и ритм в ущерб смыслу и ясности произведения. Другие объявляли точное литературное значение важнее всего и отстаивали прозаический перевод ценой потери всех лирических элементов. В своем новом переводе, отмечается далее, Юджин Кэйдэн избрал средний путь. Видоизменяя характер пушкинских рифм, он стремился обеспечить максимум точности передачи смысла при минимальности потери поэтического изящества.

В предисловии, написанном самим Кэйденом, говорится: «Двадцать лет тому назад в начале моей работы над «Евгением Онегиным» я пытался прежде всего строго придерживаться рисунка пушкинской строфы. Я пытался также переводить прозой строку за строкой. Моего упорства в обоих случаях хватило на две главы, но в конце концов я отказался от этого... В моем настоящем переводе, завершенном весной 1960 года, я был верен ритму пушкинской строфы... Я придерживаюсь мнения, что перевод поэзии должен стать английской поэзией и предпочел сохранить тон и величие «Евгения Онегина» ценой потери трех пар рифм в каждой строфе»...

Однако именно это и явилось, как отметила критика, уязвимым местом перевода. Отдавая должное Кэйдену-переводчику, рецензент «The Times Literary Supplement» отметил, что особенностью его перевода является то, что «система рифмовки (rhymescheme) изменена и трудные женские рифмы обойдены. Это искусный перевод, но затруднения с рифмой и ритмом заставили переводчика пойти по этому пути перевода (отсебятина)... и временами исказить значение оригинала...»¹¹.

⁹ A Nabokov Guide Through the World of AL. Pushkin, «The New York Times Book Review», 1964, June 28, p. 4. Greater Performance, «Time», N. Y. 1964, vol. 84, No. 5, July 31, p. 60. Pushkin, Nabokov and «Eugene Onegin», «The Times Literary Supplement», 1965, January 28.

¹⁰ Al. Pushkin, «Eugene Onegin», A novel in verse translated from the Russian by Eugene M. Kayden. Ohio, 1964.

¹¹ Pushkin, Nabokov and «Eugene Onegin». «The Times Literary Supplement» Thursday, January 28, 1965, p. 68.

Что не все удалось Кэйденоу в переводе «Евгения Онегина», на это указал К. И. Чуковский. Но вместе с тем, как он писал, «нельзя не отнестись с уважением к добросовестным усилиям переводчика возможно тщательнее воспроизвести на родном языке произведение русского гения»¹².

В том же году в Америке вышел «Евгений Онегин» в переводе Бэббетт Дейч¹³. Первый вариант этого перевода был сделан еще тридцать лет назад. Переводчица затратила немалый труд на то, чтобы устранить недостатки первого варианта. И хотя неудачи имеют место и в переводе 1964 года, он «исполнен с большим прилежанием, с повышенным чувством ответственности»¹⁴. «Если судить по количеству переводов, — пишет Пол Тренски, — то «Евгений Онегин» является, пожалуй, сегодня самым популярным произведением русской литературы в странах английского языка»¹⁵. И это действительно так.

Переводы «Евгения Онегина», вышедшие в Америке, — большой шаг вперед по пути ознакомления американского читателя с подлинным Пушкиным. Если раньше «Евгений Онегин» понимался в Америке в интимно-камерном плане, то новые его переводы дали читателям возможность понять истинный смысл произведения Пушкина. Интересно, что газета «Нью-Йорк геральд трибюн» отнесла «Евгения Онегина» к числу лучших книг 1964 года, обладающих особыми литературными достоинствами и актуальных по своему содержанию.

В январе 1965 года журнал «The Russian Review»¹⁶ напечатал переводы нескольких стихотворений Пушкина, сделанных У. Арндтом. Среди этих стихотворений — «Птичка», «Виноград», «Предчувствие», «Когда в объятия мои» и др.

В июне того же года его перевод «Цыган» Пушкина, поместил журнал «Slavic Review»¹⁷.

Привлекает внимание и издание «Маленьких трагедий» Пушкина, вышедших в 1965 году в переводе Ю. Кэйдена¹⁸.

Вопрос о методе перевода не менее волнует переводчиков и при обращении к прозе Пушкина. Несомненным событием

¹² К. Чуковский. «Чудотворство любви». «Литературная газета» 26 июня 1965, № 75, стр. 2.

¹³ Al. Pushkin «Eugene Onegin». Translated by Babette Deutsch. Penguin Books. Baltimor, 1964.

¹⁴ К. Чуковский. «Чудотворство любви». «Литературная газета» 26 июня 1965, стр. 2, № 75.

¹⁵ Paul. Y. Trensky. AL. Pushkin «Eugene Onegin». A Novel in Verse. Tr. Eugene M. Kayden. Ohio. Antioch Press, 1964. «The Slavic and East European Journal», Fall, 1965, vol. IX, NO. 3.

¹⁶ From Pushkin's Lyriks. Translated from the Russian by W. A. Arndt. «The Russian Review». An American Quarterly, 1965, vol. 24, No. 1, p. 25.

¹⁷ «The Gypsies» by Al. Pushkin. Translated by W. Arndt. «Slavic Review», June, 1965, vol. XXIV, Number 2, p. 273.

¹⁸ «Little Tragedies» by Al. Pushkin. Translated into English by Eugene M. Kayden. Yellow Spring. Ohio 1965.

в культурной жизни Америки стало появление трехтомного издания писем Пушкина, переведенных Томасом Шоу¹⁹. Снабженное предисловием и комментариями переводчика, издание это включает в себя 678 писем поэта. Над переводом Шоу работал тринадцать лет. Основой для своей работы он взял советские академические издания Пушкина 1937—49 гг. и 1949 г.

В предисловии, отмечая, что письма великого русского поэта «никогда не издавались в английском переводе», он дает высокую оценку прозе Пушкина. Самое большое значение его писем, пишет Шоу, состоит в том, что они помогают лучше понять Пушкина — человека и художника. И тут же автор оговаривается, что природа этого гения и особенности его литературного стиля даже в его прозаических произведениях таковы, что их трудно передать в переводе. И тем не менее, автор берется за этот труд, потому что уверен, что «пушкинские письма снабдят читателей, говорящих на английском языке, ключом к его поэзии и прозе».

Останавливаясь на принципах перевода писем Пушкина, Шоу подчеркивает, что при переводе их на первом месте была пушкинская мысль, но усилия были направлены также на то, чтобы передать английскому читателю особенности стиля русского гения, присущую ему игру слов, намеки, каламбуры. Переводчик старался показать, что каждое из слов значило для Пушкина, и найти ему английский эквивалент.

Этот большой и полезный труд Шоу получил положительные отзывы в американской печати. В одном из них подчеркивается, что издание писем Пушкина на английском языке, являясь вкладом в американское литературоведение, поможет всякому читающему по-английски лучше понять столь трудно переводимого поэта²⁰. Наряду с этим автор рецензии, помещенной в журнале «The Russian Review», останавливаясь на трудностях, которые вставали перед переводчиком писем русского поэта, отмечает, что хотя в целом перевод сделан умно и бережно, встречаются в нем и предложения не очень удачные. В частности, указывается, что некоторые русские поговорки и просторечия, для которых можно было бы найти английские эквиваленты, были оставлены непереуведенными. Рецензент выражает надежду на то, что «это умно выполненное издание послужит началом для английских изданий писем других русских писателей 19 века».

Рецензии, которыми был встречен труд Шоу, содержат любопытные суждения по поводу самой техники переводе-

¹⁹ «The letters of Al. Pushkin». Translated with Preface, Introduction, and Notes by Y. Thomas Shaw. Bloomington, 1963.

²⁰ «The Russian Review» An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present, 1964, October, vol. 23, No. 4, p. 400.

ской работы. В частности, затрагивается такая интересная и важная проблема, как использование в переводе модернизмов и современного слэнга. В этом плане любопытно замечание автора рецензии, помещенной в «The Times Literary Supplement»²¹. Отмечая трудности перевода писем, он говорит: «Во многих письмах, особенно в ранних, м-р Шоу попытался разрешить проблему перевода оригинала, прибегнув к помощи модернизмов и современного слэнга. Результат часто неприятный: многочисленные «by golly's» и «at a boy's» (даже однажды «at a girl») звучат ужасно искусственно и не к месту...». К числу недостатков сделанного перевода автор рецензии относит ряд неудачно переведенных слов, в частности, слово «удалился» переведено «Ieschew» (р. 199) и т. д.

«М-р. Шоу, — пишет рецензент, — создал монументальную по затраченному терпению и труду работу. Будущие биографы Пушкина, недостаточно знающие русский язык для того, чтобы читать письма в оригинале, или желающие погрузиться в русскую литературную и социальную жизнь 1820—1830 годов, будут действительно благодарны ему».

Высокую оценку перевода писем Пушкина дает и Ральф Мэтлоу в своем обзоре, помещенном в «Slavic Review»²². Солидность издания, — говорит он, — заставляет колебаться: указывать ли обычные опечатки, ошибки и погрешности. Их немного: «роман» Нащокина — это любовное похождение, а не «novel» (стр. 473). «J was sick on thy back when J got in the calash» является неудачным переводом фразы: «Я лег в коляску большой» (стр. 124). «Соврал» следует переводить «babbled», а не «lied» (стр. 111). Мэтлоу указывает на неточный перевод вульгаризмов, которые употреблял Пушкин.

Пространные отзывы на переводы писем Пушкина, помещенные во многих крупнейших американских газетах, чаще всего являются не только рецензиями, но и более или менее обстоятельным рассказом о жизни и творчестве русского поэта. Эти отзывы, как правило, отличаются благожелательностью тона и определенно выраженным стремлением познакомить американского читателя с Пушкиным и с русской литературой вообще²³. Интерес к творчеству Пушкина в Америке и желание читать его в оригинале вызывает необходимость создания таких изданий пушкинских произведений, которые, обладая достаточным справочным аппаратом, помогали бы читателям, изучающим русский язык, лучше почувствовать своеобразие творчества русского поэта. Примером таких изда-

²¹ «The Times Literary Supplement» Thursday, October 8, 1964, p. 914.

²² «Slavic Review», June 1965, vol. XXIV, Number 2, p. 343.

²³ A Wonderful Friend of the Czar, «Saturday Review» 1964, N. Y. May 30, p. 34—35.

ний является сборник пушкинских произведений «A Pushkin Verse Reader»²⁴.

Книга содержит пятьдесят наиболее известных стихотворений и ряд поэм. Сборник снабжен предисловием, знакомящим с основными этапами жизни и творчества Пушкина, и обширными примечаниями, в которых объяснены предложения и слова, могущие вызвать затруднения у американских читателей.

Рецензию У. Викери на это издание помещает журнал «The Slavic and East European Journal»²⁵.

Для студентов, изучающих русский язык, предназначено и другое издание, включающее «Евгений Онегин» Пушкина²⁶. Издание снабжено словарем и грамматическими упражнениями. Рецензию У. Яшкевича на это издание помещает «Славянский и Восточно-Европейский журнал» за 1963 год²⁷.

Сборник русской прозы появился в Америке в 1963 году²⁸. Он включает в себя 24 прозаических отрывка из произведений русских писателей от Пушкина до Пастернака.

Рецензия Бейкера на этот сборник помещена в «Славянском и Восточно-Европейском журнале» за 1963 год²⁹.

Другой сборник русской прозы был издан в 1962 году. Пушкин представлен в нем отрывками из «Капитанской дочки»³⁰.

Еще в большей мере, чем в переводах пушкинских произведений, интерес к Пушкину в Америке проявляется в тех многочисленных малых и больших работах о Пушкине, которые появились в американской печати за последние годы. Эти работы разнообразны по тематике, по методологии, по своей объективной ценности, но общим для них является безоговорочное признание Пушкина классиком мировой литературы и самобытным русским поэтом.

Наибольшее количество статей и исследований американского пушкиноведения 60-х годов посвящено частным вопросам биографии и творчества Пушкина. Такова работа Мстислава Гиергилевича «Два славянских поэта при царском дворе»³¹. Касаясь отношений Пушкина с Николаем I, автор спра-

²⁴ «A Pushkin Verse Reader» Ed. by Y. P. Foote. N. Y. 1962.

²⁵ «The Slavic and East European Journal». Summer, 1964, vol. VIII, No. 2, p. 221.

²⁶ Edmund Zawacki and Zbigniew Folejewski. Intermediate Russian: Readings, Exercises and Grammar Review N. Y. 1962.

²⁷ «The Slavic and East European Journal», Fall, 1963, vol. VII, No. 3, p. 322.

²⁸ Norman Henley, ed. Russian Prose Reader. N. Y. 1963.

²⁹ «The Slavic and East European Journal». Fall, 1963, vol. VII, Number, 3, p. 323.

³⁰ Tatjana Bobrinskaya and Irina Grovskaya. Golden Age of Russian Literature. N. Y. 1962.

³¹ Two Slavic Poets at the Czar's Court by Mieczyslaw Giergielewicz «Studies in Russian and Polish Literature in Honor of W. Lednicki». ed. by Z. Folejewski, M. Karpovich, E. Y. Whitfield, A. Kaspin, Mouton 1962, p. 127.

ведливо говорит о тяжелой личной и творческой зависимости Пушкина от Николая I, замечает, что при желании Николай I мог предотвратить трагедию, стоившую Пушкину жизни. В работе отмечается духовная близость Пушкина к декабристам и потрясение, пережитое Пушкиным при известии о постигшей их судьбе. Гиергилевич убедительно показывает, что отношение русского самодержца к Пушкину основывалось больше на политических, чем на литературных и личных соображениях.

В статье Темира Пахмасса и Виктора Терраса «The Shift of the Image of Napoleon in the Poetry of Al. Puskin»³² прослеживается эволюция образа Наполеона в творчестве Пушкина. Авторы дают ее на широком литературном фоне Западной Европы 1820-х, 30-х годов.

В 1963 году вышла в свет работа У. Викери «Медный всадник и героическая ода 18 века»³³. Ей предпослан эпиграф — слова Б. В. Томашевского: «Литературная традиция никогда не связывала оригинальность творчества Пушкина. Основная черта его творчества — то, что он умел быть оригинальным, когда продолжал традицию». В духе этого положения Томашевского и пишет Викери. Он останавливает внимание свое на тех частях «Медного всадника», где речь идет о Петре, и старается показать, как Пушкин в «петровских отрывках» творчески применяет одическую традицию 18 века. При этом Викери специально останавливается на особенностях строфического построения и синтаксической организации поэмы, сопоставляя в этом плане поэму Пушкина с одами Ломоносова. Вывод, к которому он приходит в результате такого сопоставления, заключается в том, что Пушкин в «Медном всаднике» не копирует рабски ломоносовскую схему рифмовки и синтаксического построения стиха, но, оставаясь в принципе верным ломоносовской традиции, использует ее по-своему, творчески.

Вопросам стилистического анализа посвящена статья Викери о несобственно-прямой речи в «Полтаве» Пушкина³⁴.

³² The Shift of the Image of Napoleon in the Poetry of A. Puskin by Temira Pachmuss and Victor Terras. «The Slavic and East European Journal», Winter, 1961, New Series, vol. V/XIX/, No. 4.

³³ «Mednyi Vsadnic» and the Eighteenth-century heroic ode, by W. N. Vickery «Indiana Slavic Studies» vol. III. Ed. by W. Vickery and W. Edgerton. Bloomington, 1963, p. 141.

Викери принадлежит и другая работа «Параллелизм в литературном развитии Байрона и Пушкина» (см. пятый международный съезд славистов «Русская литература» 1964 г., № 1).

³⁴ The Examples of Narrated Speech in Pushkin's «Poltava» by Walter N. Vickery. «The Slavic and East European Journal». Fall. 1964, vol. VIII, No. 3.

Несмотря на то, что направление работ Викери подсказано исследованиями ряда советских ученых (кстати, Викери и не скрывает этого, неоднократно ссылаясь на них) он много добавляет и своих любопытных наблюдений.

Большую работу по изучению творчества Пушкина ведет в Америке уже упомянутый выше профессор Висконсинского университета Томас Шоу. За последние годы им опубликовано несколько работ о Пушкине. Работы эти несомненно полезны для американского читателя, и полезны главным образом тем, что, опираясь во многом на исследования советских ученых, снабженные выдержками и ссылками на эти труды, они тем самым ближе знакомят американского читателя с советской наукой о Пушкине.

Одна из работ Шоу — «Пушкинский Феофилакт Косичкин: проблема вымышленного лица в журналистике»³⁵. Вопрос, поставленный в исследовании, не новый, он основательно разработан в советском литературоведении, но это не отменяет познавательной ценности статьи Шоу для всех, кто интересуется русской литературой в Америке.

К подобного же рода работам Шоу следует отнести и его статью «Выстрел Пушкина»³⁶. И здесь Шоу проявляет хорошую осведомленность в советской пушкиниане: в исследованиях Виноградова, Благого, Гроссмана, Эйхенбаума, Слонимского.

Хорошее знание новейших достижений советской науки о Пушкине дает себя знать в обзорной статье Т. Шоу, посвященной современным исследованиям советских ученых о русском поэте³⁷.

Кратко остановившись на развитии советского пушкиноведения 20-х, 30-х, 40-х годов нашего века, Шоу подробно анализирует работы о Пушкине 50-х годов. Отмечается большая текстологическая работа, проделанная советскими учеными по воссозданию единого текста пушкинских произведений, говорится о самых различных изданиях Пушкина в СССР.

Четырехтомный словарь языка Пушкина (М., 1956—1961) расценивается автором как огромный вклад советских ученых в науку о Пушкине.

Говоря об исследованиях творчества Пушкина в СССР, Шоу не скрывает существующих расхождений между зарубежными и советскими учеными в оценке тех или иных произведений Пушкина. В частности, указывается, что «Евгений

³⁵ The Problem of the persona in journalism: Pushkin's Feofilact Kosichkin, by Y. Thomas Shaw. The Hague, 1963.

³⁶ «Pushkin's «The Shot» by Y. Thomas Shaw, «Indiana Slavic Studies», vol. III. Ed. by W. N. Vickery, W. B. Edgerton, Bloomington, 1963, p. 113.

³⁷ Recent Soviet Scholarly Books on Pushkin. A Review Article by Thomas Shaw, University of Wisconsin. «The Slavic and East European Journal», Spring, 1966, vol. X, No. I, P. 66.

Онегин» рассматривается на Западе как произведение романтического направления, а в России — как произведение реалистического направления. В Советском Союзе, подчеркивает Шоу, по-новому осмысляются не только произведения Пушкина, но и сами литературоведческие понятия.

Стилистическому анализу роли метафоры в описании времен года в «Евгении Онегине» посвящена статья Густафсона, опубликованная в «The Slavic and East European Journal»³⁸.

В этом же журнале за 1963 год была напечатана статья Л. Педротти «Сенковский защищает прозу Пушкина»³⁹. Отмечая, что Сенковский — сегодня одна из самых непонятых фигур русской литературы⁴⁰, автор, останавливаясь на отношениях Сенковского и Пушкина, стремится доказать, что, вопреки существовавшим разногласиям, Пушкин ценил в Сенковском ученого — востоковеда и издателя, а последний ценил в Пушкине образцового стилиста. Именно Сенковский, говорится далее, «распознал в прозе поэта появление нового «метеора», освещающего дорогу будущим поколениям писателей».

Вопросы пушкинского стиля находятся в центре внимания Лорена Лейтона в его статье «The Anecdote in Russia: Pushkin, Vjazemskij and Davydov»⁴¹.

Лейтон указывает, какую важную роль играет анекдот в творчестве Пушкина. Опираясь на работы советских литературоведов, автор показывает, что, при всей традиционности пушкинских анекдотов, они обретают в произведениях русского писателя неповторимое своеобразие.

В 1966 году журнал «The Slavic and East European Journal» поместил статью У. Б. Эджертона «Pushkin, Mickiewicz, and a Migratory Epigram». Несмотря на то, что более чем столетие ученые пишут в России о Пушкине, а в Польше о Мицкевиче, отмечается в статье, «одно маленькое звено между двумя великими поэтами все еще не привлекло к себе внимания». Этим звеном является влияние Пушкина-эпиграмматиста на Мицкевича. В частности, указывается на эпиграмму «Полу-милорд, полу-купец...», которая встречается и у польского поэта. Излагается история создания эпиграммы Пушкиным, приводятся существующие на этот счет гипотезы, отмечается, что с

³⁸ The Metaphor of the Seasons in «Evgeny Onegin» by Richard F. Gustafson. «The Slavic and East European Journal», Spring, 1962. Vol. VI, Number 1.

³⁹ Sekowski's Defense of Pushkin's Prose by Lois Pedrotti, «The Slavic and East European Journal», Spring, 1963, vol. VII. No. 1.

⁴⁰ После появления работы Каверина о Сенковском едва ли можно говорить о последнем как об одной из самых «непонятых» фигур русской литературы.

⁴¹ The Anecdote in Russia: Pushkin, Vjazemskij, and Davidow, by Lauren G. Leighton «The Slavic and East European Journal», Summer, 1966, vol. X, No. 2.

эпиграммой Пушкина на Воронцова познакомился в Одессе Мицкевич и, в свою очередь, использовал ее в своей эпиграмме на лидера демократической партии.

Проявляя хорошие знания работ советских пушкинистов, Эджертон подкрепляет свои суждения ссылками на них.

Говоря об американском пушкиноведении 60-х годов, нельзя не отметить и определенного увлечения некоторых американских ученых всякого рода сопоставлениями, литературными параллелями, тем, что так характерно для компаративистской школы в литературоведении⁴².

Примечательна в этом плане книга профессора славистики, возглавлявшего отделение компаративистской литературы Гарвардского университета, Ренато Поджоли «Поэты России»⁴³. В своем исследовании творчества Пушкина (ему отведена в книге специальная глава) Поджоли почти не выходит за рамки формального рассмотрения тех или иных «влиятельных». Правда, он называет Пушкина величайшим из всех поэтов России, подчеркивает оригинальность пушкинского дарования, но это его утверждение остается лишь простой декларацией. Сама методология компаративизма приводит Поджоли к тому, что Пушкин под его пером предстает в конечном счете то русским Попом, то Вордсвортом, то Парни — и меньше всего самобытным национальным русским поэтом.

Близка по своей методологии к работе Поджоли и статья Андре Гроника «Взгляд А. Пушкина на Гете»⁴⁴. Статья эта напечатана в журнале «Компаративистская литература» за 1960 год. Гроника в своей статье возражает против выдвинутых прежде точек зрения на те или иные «заимствования» и «влияния». Он предлагает подойти к этому вопросу, исходя из жизненного опыта самого Пушкина, который своеобразно отразился в его произведениях. Но когда Гроника приступает сам к рассмотрению вопроса, то он словно забывает о «жизненном опыте самого Пушкина» и ограничивается тем, что одни влияния подменяет другими. Так, он отмечает воздействие образа Мефистофеля на Германа и Онегина. Прямое влияние Гете Гроника видит и в «Сцене из Фауста» Пушкина, хотя и отмечает различие не только в месте действия, но и в характерах. Воздействие Гете на Пушкина автор статьи находит даже в «Борисе Годунове». Так, диалог в пушкинской

⁴² См. The Concept of Tragedy in Russian and Soviet Literature, by Helen Muchnic, «The Russian Review». An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present, 1964, January, vol. 23, No. 1, p. 25.

⁴³ The Poets of Russia 1890—1930, by Renato Poggioli. Cambridge, Massachusetts, 1960.

⁴⁴ Al. Pushkin's View of Goethe by Andre von Gronicka. «Comparative Literature» published by the University of Oregon Eugene, Summer, 1960, vol. XIV, No. 3, p. 101.

драме напоминает Гроника не столько Шекспира, сколько гетевского «Геца».

Разумеется, что при таком одностороннем подходе к творчеству Пушкина, начисто пропадает национальная основа и специфика пушкинских произведений.

В том же 1960 году появилась работа упоминавшегося выше Р. Ф. Густафсона «Анчар» Пушкина и Эразм Дарвин»⁴⁵. В ней рассказывается об источниках стихотворения «Анчар». Анализируя произведение Пушкина, автор стремится к каждой строфе его найти соответствующую параллель у Дарвина или в других источниках.

В 1963 году была опубликована книга Чарлза Пэсседжа «Русские гофманисты»⁴⁶, одна из глав которой посвящена Пушкину. Произвольно называя Пушкина русским гофманистом, автор доказывает это на примерах двух произведений: «Уединенный домик на Васильевском острове» (ошибочно приписываемое Пушкину) и «Пиковой дамы». Несостоятельность и натянутость как всей концепции Пэсседжа, так и частных сопоставлений, приводимых им, убедительно аргументирована в рецензии на эту книгу Всеволодом Сечкаревым⁴⁷.

Статья Ричарда Грегга «Бальзак и женщины в «Пиковой даме» была напечатана в 1966 году в «The Slavic and East European Journal»⁴⁸. Возрождая теорию Лернера о сходстве героинь «Шагренево́й кожи» и «Пиковой дамы», автор дополняет ее рядом новых наблюдений, проводит параллель между старой графиней Пушкина и Теодорой Бальзака.

К сожалению, в американской пушкиниане 60-х годов, мы встречаем и такие работы, которые отличаются прямой тенденциозностью и в отдельных своих положениях явно выходят за рамки науки. В этих работах особенно отчетливо дает о себе знать та идеологическая борьба вокруг Пушкина, которая, в конечном итоге, носит откровенно политический характер. Она выражается и в порочном стремлении «увести» Пушкина от передовых идей его времени, и в фальсификации литературных и политических взглядов поэта, в стремлении соотнести их как-то с собственной, далеко не прогрессивной политической и литературной позицией, и в резких выпадах как против отдельных советских исследований, так и против советской науки вообще.

⁴⁵ The upas tree: Pushkin and Erasmus Darwin, by Richard F. Gustafson P. M. Z. A. ed. by George Winchester Stone. 1960, March, vol. LXXV, Number 1.

⁴⁶ Charles E. Passage. «The Russian Hoffmanists». The Hague. Mouton, 1963.

⁴⁷ The Slavic and East European Journal. Spring, 1964, vol. VIII, Number 1, p. 76.

⁴⁸ Richard A. Gregg: Balzac and the women in «The Queen of Spades». «The Slavic and East European Journal», Fall. 1966, vol. X, No. 3.

Именно к такого рода работам относится статья Аллана Макконнелла «Литературная игра Пушкина»⁴⁹, напечатанная в декабрьском номере журнала «The American Slavic and East European Review» за 1960 г. В ней против советских литературоведов и литературоведения много выпадов, эти выпады весьма далеки от подлинно научной полемики. Статья Макконнелла начинается с утверждения, что Пушкин всю свою жизнь был игроком. При этом одной из самых долгих «игр» Пушкина, по мнению автора статьи, была неудавшаяся попытка реабилитировать имя Радищева. В статье Пушкин превращен в светского жуира и творца легкой лирики, пожизненного адвоката наследственной аристократии. Макконнелл с удивительной легкостью, играя словами и цитатами, перетасовывая факты и события, создает придуманный им и далекий от действительности облик Пушкина-поэта.

В 1961 году Гарвардский университет издал книгу Сиднея Монаса «Третье отделение. Полиция и общество в России Николая I»⁵⁰. Отношение Пушкина к Николаю I становится предметом особого внимания автора в главе (*Empire and Cabbage Soup*). В примечаниях к ней Монас говорит, что касается здесь сложных отношений между Пушкиным и николаевской полицией. Автор оговаривается, что эта глава не претендует на оригинальность исследования. С этим нельзя не согласиться. Ссылка Пушкина на юг рассматривается скорее как каникулы, чем наказание, политические взгляды поэта объявляются консервативными, а интерес публики к нему после его возвращения из ссылки объясняется ее ложным представлением о Пушкине как о бунтовщике. Идиллически представлены и отношения Николая I к Пушкину.

С весьма произвольными суждениями о творчестве Пушкина, искажающими образ русского поэта, встречаемся мы и в статье профессора русского языка и литературы Хью Мак-Лина, опубликованной в «Slavic Review» за 1962 год⁵¹. Представитель формально-эстетической критики, Мак-Лин изолирует литературные произведения от того социального и исторического окружения, в котором они создаются. Поэтому и творчество Пушкина для него не более как словесная игра, не имеющая какого-либо идейного смысла.

В 1963 году в журнале «California Slavic Studies» была

⁴⁹ Pushkin's Literary Gamble by Allen McConnel «The American Slavic and East European Review», 1960, December, vol. XIX, No. 4, Columbia University Press.

⁵⁰ The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I by Sidney Monas. Harvard University Press. Cambridge, 1961.

⁵¹ The Development of Modern Russian Literature by Hugh McLean. «Slavic Review American Quarterly of Soviet and European Studies», 1962, September, vol. XXI, No. 3.

напечатана работа Симона Карлинского «Two Pushkin Studies»⁵². Первая глава ее посвящена вопросу об отношении Пушкина к Шатобриану и о влиянии последнего на творчество Пушкина. Автор сопоставляет произведения Пушкина «Кавказский пленник», «Цыгане», «Евгений Онегин» с произведениями Шатобриана, доказывая сходство отдельных героев и сюжетных ситуаций. Увлеченный далеко идущими возможностями в области приводимых им формальных сопоставлений и параллелей, Карлинский в конечном итоге отказывается роману Пушкина «Евгений Онегин» в какой бы то ни было социальной основе. «Более чем столетие, — пишет он, — большинство русских критиков настаивало на том, что характеры «Евгения Онегина» являются воплощением определенных социальных типов России 1820-х годов, которые были подмечены и правдиво воспроизведены Пушкиным». Новые изыскания В. Набокова и С. Стилмана, говорит он далее, свидетельствуют об абсурдности подобной точки зрения. «Каждый, кто рассматривает сплин Онегина как результат специфических социальных и политических условий, должен только прочесть «*Du vague des passions*» или отрывок из «Рене» для того, чтобы убедиться, что книга Шатобриана об апологии религии более близка к истокам того специфического духовного климата, нежели любое актуальное зло крепостного права и самодержавия». Карлинский явно не желает понять и оценить самобытность, социальную природу одного из величайших произведений русского поэтического гения. В этом есть своя логика и своя тенденция — тенденция отнюдь не только научная. Вторая глава работы «*The Amber Beads of Crimea*» анализирует образ Крыма в «Бахчисарайском фонтане» Пушкина и «Крымских сонетах» Мицкевича.

Примером формалистического направления в американском литературоведении является вышедшая в 1964 году книга Виктора Эрлиха «*The Double Image*»⁵³, включающая главу о Пушкине. Автор книги о русском формализме (1955 г.) Эрлих и в новом исследовании исходит из антиисторической методологии в оценке творчества Пушкина. Касаясь проблемы образа поэта в творчестве Пушкина, Эрлих решает ее, преимущественно, на анализе цикла стихотворений «Поэт», «Пророк», «Поэт и толпа», «Поэту». Не учитывая сложности исторической обстановки второй половины 20-х годов, Эрлих трактует названные стихотворения, как произведения «чистого искусства», полемизируя, в частности, с концепцией Б. С.

⁵² Two Pushkin Studies by Simon Karlinsky «California Slavic Studies». Ed. by N. N. Raisanovsky, G. Struve and Berkelly. Los Angeles, 1963, vol. II, P. 97.

⁵³ «The Double Image». Concepts of the Poet in Slavic Literatures by V. Erlich, Baltimore, 1964.

Мейлаха, изложенной им в книге «Пушкин и его эпоха» (М. 1958).

С рецензией Э. Брауна на книгу Эрлиха мы встречаемся в журнале «Slavic Review»⁵⁴ за 1965 г.

Подводя итоги, следует отметить, что многочисленные переводы из Пушкина, которыми пополнилась современная американская пушкиниана, как и работы американских исследователей о Пушкине 60-х годов, свидетельствуют о том, что творчество Пушкина, являясь выражением высших достижений мирового искусства, за последние годы вызывает широкий интерес как американского читателя, так и американских литературоведов. И хотя работы о Пушкине далеко не одинаковы по своей значимости, часто более или менее спорны, а иногда и явно тенденциозны, объективно большинство из них служит делу популяризации творчества Пушкина в Америке.

⁵⁴ «Slavic Review», June, 1965, vol. XXIV, Number 2.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. С. М. КИРОВА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРЫ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПСКОВ

1968